

Ленинградская ярославна

ПОМНИМ

Войну отстрадали они за нас за всех, ленинградские блокадники и их дети – те, что сами теперь седые и почти все давно уже старше своих родителей. Два миллиона человек – в городе и в окопах на оборонительных рубежах – отдали жизнь за Ленинград. Вчера, в день 60-летия снятия блокады, «ленинградские ярославцы» вспоминали об этом, придя к мемориалу памяти жертв блокады на Леонтьевское воинское кладбище.

Когда началась война, Марии Ивановне Сергеичевой было пятнадцать лет, под конец блокады была она уже совсем взрослой – устроилась упаковщицей на склад, получив рабочую карточку на 200 граммов хлеба.

– В нашей двухкомнатной квартире на Невском проспекте, – рассказала она нам, – фугасом выбило окна. Вместо стекол вставили фанеру, зимой стены и потолок покрывал иней. Утром вставать не хотелось: голова кружилась, ноги не шли. Папа работал бондарем, мама санитаркой, никаких домашних запасов у нас не имелось. Голод за первый же год выкосил всю нашу большую семью. Родители погибли первыми. У меня было шестеро братьев и сестер. От дистрофии, кто дома, кто в больнице, умерли Витя и Боря, сестра Шура, пропал без вести Володя. Еще одного брата – он учился в ФЗУ – бомбежка накрыла вместе со всей группой прямо в столовой.

Младшая сестренка Сима служила в управлении железной дороги. Она-то и узнала о предстоящей эвакуации. Они записались, и летом 1943 года на барже через Ладогу под

фото Дмитрия ШИМАНЮКОГО.

Мария СЕРГЕИЧЕВА на Леонтьевском воинском кладбище в день 60-летия снятия блокады Ленинграда.

страшной бомбежкой их переправили на «большую землю».

В Ярославль Мария попала, можно сказать, случайно. На Вологодчине и в колхозе, и на лесозаготовках довелось потрудиться. Завербовались было на стройку в Ленинград, да, оттопав по проселкам километров полтора, не успели в Галиче к поезду. Сидели на вокзале, ревмя ревели. И тут подошла к ним какая-то женщина: мол, хватит, красавицы, горевать – в Ярославле на шинном заводе некому работать, молодежь набираем.

Так и стала Мария Ивановна «ленинградской ярославной». Вышла здесь за хорошего человека, двоих детей с мужем на ноги поставили. Своему спасителю – шинному – Мария Ивановна оставалась верной до самой пенсии. Уходила на отдых с должно-

сти бригадира самого вредного на ЯШЗ цеха, где готовят резиновую смесь для покрышек. Подруги провожали ее шутками: передохнешь, мол, и возвращайся, не страшна тебе, Мария, никакая химия, видно, ленинградская закалка сказывается.

По поводу «ленинградской закалки» наша рассказчица возразить ничего не имеет. Но когда вчера у памятной стелы с гравировкой «Вечная память жертвам блокады Ленинграда (1941 – 1943)» Мария Ивановна Сергеичева ставила зажженную свечку на кусок «черняшки» весом с блокадную пайку в 125 граммов, то слез сдержать она не сумела.

– Родителей, братиков жалко, – только и сказала. – А то, что пережила я сама, не считается.

Юлиан НАДЕЖДИН.